

УДК 808.2-07

О.И. Ревуцкий

СЛОЖНЫЕ ТРОПЫ: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

В учении о тропах, несмотря на его многовековую историю, остаётся много неясного. И от этой неясности страдает прежде всего методика филологического анализа художественных текстов, где зачастую абсолютно доминирует образность, основывающаяся на разных приёмах троповости.

Традиционная, существующая ещё со времён античности классификация тропов основывается на учёте ряда факторов: характера положенных в основу переноса наименования психологических ассоциаций (по сходству – метафора, по смежности – метонимия); логических факторов (наличия эффектов преувеличения – гипербола, преуменьшения – литота; внутреннего контраста, несовместимости понятий – оксюморон и др.); отчасти факторов языкового характера (например, учёт наличия или отсутствия показателей образного сравнения, развёрнутости или неразвёрнутости метафоры и др.). Языковой критерий доминирует и при распределении средств образности по фигурам. При этом

принимаются во внимание экспрессивные в силу отступления от привычных норм и стабилизировавшиеся в поэтическом стиле модели языкового выражения, такие, как инверсия, параллелизм, хиазм и др.

Подобный подход ориентирует на поиск главного, наиболее очевидного признака тропа и не учитывает всей сложности смысловых механизмов, лежащих в основе троповости в поэтических текстах двадцатого и начала двадцать первого столетия. Традиционная классификация проистекает из трактовки тропа прежде всего как слова, как переноса наименования и не вполне согласуется с фактами, иллюстрирующими вовлечение в процесс тропообразования единиц, больших, чем слово, что не даёт возможности адекватно описывать сложные единицы тропеического характера (тропеические комплексы), которые составляют важную примету стиля современной поэзии.

При рассмотрении сложных тропеических комплексов мы будем исходить из положений современной семиотики о двоичности семиотических объектов, т. е. таких, которые рассчитаны на непрямую передачу информации [3, 128]. С этой точки зрения весьма типичными семиотическими объектами являются именно тропы, поскольку они представляют собой средства не прямой номинации и основываются на бинарности, часто выражающейся в «противостоянии» явно выраженного, но условного, иносказательного, и скрытого, но мыслимого как истинное, достоверное. Такое понимание допускает рассмотрение в кругу тропов значимых единиц языка разных уровней (морфем, слов, высказываний), если они оказываются семиотическими, т. е. такими, которые заключают в себе совмещение разных смысловых представлений об означаемых объектах.

Мысли о бинарности как принципе организации тропа высказывались и ранее. На этой идее основана интеракционистская теория метафоры М. Блэка [1]. И. Р. Гальперин считает, что почти все виды тропов основаны на принципе удвоения значения [2, 274].

Семиотический подход к тропам оказывается более широким, чем традиционный. Согласно ему, к числу тропов должны быть причислены и такие семиотические объекты, где отношения между двумя обозначаемыми предметами (денотатами) в составе целого не могут квалифицироваться как «чистое» сходство (метафора) или смежность (метонимия), а как соединение того и другого или даже как отношения иного рода, например, приблизительного соответствия, обусловленности и т. д. Учитывается также возможность сближения в составе тропеической конструкции денотатов, принадлежащих к разным поэтическим «мирам», например, к реальному и воображаемому, фантастическому.

Наиболее исследованными с лингвистической точки зрения являются тропы словесного характера, основанные на переносе наименований. В их числе простые (бинарные) метафорические словосочетания, с достаточно чётко выраженными составляющими (объектом и субъектом сравнения), которые имеют словесные обозначения. Подобные метафоры способны образовывать цепочки. Цепочечный принцип построения тропеических бинарм может выходить на уровень целого текста. В качестве примера можно назвать стихотворение С. Кирсанова «На кругозоре», где даётся ряд уподоблений: *Кавказ – караван, Эльбрус – верблюд, маленькие горы – верблюжата* и др. Несмотря на то, что такой текст обладает известной образной целостностью, его тропеичность носит исключительно словесный характер; каждое из слов-метафор имеет свой конкретный денотат (отдельное понятие) и легко определяемое основание сравнения. Следует заметить, что метафорические цепочки подобного типа можно встретить уже в древних памятниках письменности, например в текстах религиозного характера.

Иной, более сложный тип троповости, который в большей степени присущ современной поэзии, не сводится к чисто количественному росту метафорических бинарм, а к качественному усложнению структуры и семантики средств её выражения. Приведём некоторые примеры: *Ловит память тонким клювом первый снег и первопуток; Лижет телёнок горбатый вечера красный подол (С. Есенин); Малярная бродит луна / рыжей кошкой по тёмным крышам (П. Коган); Склон горы, опрокинувшись и обмлев, / дышит жабрами щелей и бронхами сосен (Б. Ахмадулина).*

В синтаксическом плане подобные образные фрагменты равнозначны предложениям, однако предложение – это только языковая форма тропа, не раскрывающая сама по себе сущности тропа как бинармы, рассчитанной на генерацию образности. Понятно, что при интерпретации таких фрагментов принцип пошагового декодирования отдельных слов-метафор не срабатывает.

Едва ли здесь сможет помочь и более подробная синтаксическая характеристика. На наш взгляд, адекватное данным тропеическим объектам описание образного смысла может быть получено, если исходить из того, что в тропеические отношения вступают не понятия (как в словесных метафорах), а целые предметные ситуации, имеющие соответствующие им способы языкового выражения. В качестве базовой модели такой ситуации можно постулировать типовую схему высказывания, включающую субъект, объект, действие или состояние, различные обстоятельства и т. д.

С этой точки зрения все рассмотренные выше тропы интерпретируются как результаты моделирования одной ситуации по образцу другой, с использованием необходимых для выражения этой вторичной ситуации лексических элементов и синтаксических форм. В результате этого создаётся эффект наложения и пересечения двух семантических планов, но уже не на уровне слов, а на уровне целых высказываний. В первом из приведенных примеров ситуация «память выхватывает из прошлого события (о первом снеге)» пересекается с другой «птица ловит (клювом) летающих насекомых». Во втором примере пересекаются элементы ситуаций «телёнок лижет подол хозяйки» и «вечером небо на закате красное» (разумеется, при реконструкции ситуаций вариативность толкований не исключается).

Троповость на уровне ситуаций исключает строгую симметрию в отношениях между элементами, связанными с разными, отображающими данные ситуации семантическими планами. При этом возможны разные случаи отсутствия такого рода координации. Например, в субъектный план тропа могут включаться слова, которые не имеют соотносимых с ними элементов в объектной части. Так, слово *клюв* в первом из примеров относится только к птице, но никак не к памяти; в понятии «память» нет ничего, что могло бы хотя бы отдалённо соотноситься с клювом. Аналогичный пример мы находим у А. Вознесенского: *По министрам, по актёрам / жёлтой пяткою своей / солнце жарит полотёром / по паркету из людей (А. Вознесенский)*. В данном фрагменте наблюдается пересечение двух ситуаций: «солнце опалает людей, загорающих на пляже» и «человек (хозяйка) натирает полотёром паркет». Если же обратиться к слову *полотёр*, то оно целиком относится ко второй из названных ситуаций, поскольку в понятии «солнце» у него не находится никаких аналогов.

Таким образом, при моделировании одной ситуации по образцу другой некоторые элементы последней могут оказываться как бы «лишними» в плане прямого соответствия словам, относящимся к первой ситуации.

При образовании сложных тропов указанного типа подобного рода несоответствие может специально акцентироваться, выходя на уровень приёма комизма. В этом плане показателен такой пример: *Наседкой сидят корифеи на яйцах, в тупухах высиживая звезду. Она ж вылупляется и является совсем непристойному свистуну (А. Вознесенский)*. Выражение *сидят на яйцах* может быть отнесено только к наседке («нормально» было бы *сидят, как наседка на яйцах*). В результате такого употребления создаётся впечатление алогизма, а отсюда и комический эффект.

Подход к сложным тропеическим комплексам как к средствам образности, основывающимся на контаминации языковых элементов, которые соотносятся с разными предметными ситуациями, позволяет объяснять и факты непрямого метафоризации, где создаётся впечатление загадки из-за отсутствия некоторой требующей восстановления информации (соотносимой с обоими семантическими планами тропа), которую обязательно требуется восстановить. Например, упоминание о клюве памяти в приведенных выше строках С. Есенина требует восстановления имплицитированного звена «память – птица», которое семантически заполняет незамещённую позицию субъекта.

Опора на понятие предметной ситуации является условием правильного «прочтения» фрагментов, иллюстрирующих весьма сложные средства передачи образности, которые, на первый взгляд, могут показаться «парадоксальными» и не подлежащими какому бы то ни было декодированию. Такое впечатление может произвести, например, следующий фрагмент есенинского стихотворения: *стынет поле в тоске волоокой, / телеграфными столбами давясь*. Более или менее чёткое объяснение механизма тропа как двуплановой структуры здесь можно получить, допустив соединение в нём элементов разных ситуаций: «поле с телеграфными столбами стынет от мороза» «вол, давясь, жуёт сено». Прилагательное *волоокая* создаёт представление о глазах вола или коровы, а деепричастие *давясь* связано с темой принятия пищи. Это и даёт основание реконструировать субъектный план тропа именно таким образом, как показано выше, одновременно признав, что данная ситуация обозначена нечётко, лишь отдельными штрихами. Заметим, что правомерность такого толкования становится более убедительной, если сопоставить рассмотренный пример с другим, сходно организованным словесным образом С. Есенина: *Имба-старуха челюстью порога / жуёт пахучий мякиш тишины*.

Этот же подход помогает адекватно интерпретировать и такие случаи, когда в составе тропа оказываются ряды тематически разнородных смысловых элементов, число которых превышает два. Так, в фрагменте из стихотворения Н. Тихонова «Руки сборщицы чая»: *Быть может, так вот / пальцы пианистки, / По клавишам летая наизусть, / Как ласточки, срезают низко-низко / Мелодии зауценную грусть* таких ситуаций обнаруживается три: первая – «женщина срезает чайные стебли», вторая – «пианистка играет (пробегаёт пальцами по клавишам)», третья –

«ласточка в політе режут крильями воздух». В данном отрывке обнаруживается тройное моделирование как бы по цепочке; руки сборщицы чая по производимым действиям сравниваются с руками пианистки, движения которых, в свою очередь, уподобляются полёту ласточек. Показательно, что третья из эксплицированных в данном фрагменте ситуаций оказывается соотносимой не только со второй, но и с первой, поскольку в глаголе *срезать* «оживает» не только переносное значение (резать крильями воздух), но и прямое (срезать чайные стебли). Кроме того, представление о низком полёте (благодаря наречию *низко-низко*) ассоциативно связывается с представлением о безупречной работе, срезании стеблей под корень. Таким образом, правомерно считать, что первая (реальная) ситуация подвергается двукратной образной трансформации в результате включения в неё элементов из двух других ситуаций.

Представляет интерес вопрос о квалификации сложных тропических комплексов с точки зрения теории ассоциаций, делящей тропы на две разновидности – метафору и метонимию. При обращении ко многим из них становится очевидным, что метафоризацию или метонимизацию в чистом виде здесь обнаружить невозможно. Например, трудно сказать, что память у Есенина сравнивается с птицей, а вечер – с хозяйкой. Легче допустить, что здесь сравниваются целые реконструируемые в процессе анализа таких тропов ситуации (например, память выхватывает из прошлого картины весны подобно тому, как птица ловит клювом насекомых). Однако правомерность и такого толкования остаётся под вопросом.

Другой из рассмотренных есенинских примеров убеждает, что трактовка его как скрытого сравнения вовсе недопустима; нельзя сказать, например, что красный вечер похож на хозяйку с красным подолом, который лижет телёнок, поскольку общий признак «красный цвет» оказывается по отношению к обеим ситуациям внешним, не затрагивающим их сути как высказываний. Грамматическая (в смысле типовой модели) безупречность данного предложения находится в противоречии с его семантическим наполнением, где отдельные элементы контрастируют друг с другом, создавая эффект контаминации разных смысловых планов, относящихся не к одной, а к двум ситуациям.

Правильным с точки зрения ассоциативного подхода представляется понимание двуплановости подобных тропов не как факта скрытого сравнения, а как одновременного отображения двух ситуаций в виде некоего единого целостного представления, что полностью соответствует критерию образности. При их восприятии создаётся эффект не сравнения, а соположения, сближения в пространстве и времени (одно вызывает в памяти другое, в чём-то близкое ему и производящее сходное впечатление, например, вечерняя заря и хозяйка, идущая кормить корову: одиноко стоящая в тишине изба и старуха, жующая хлебный мякиш). Такого рода ассоциации являются, скорее, не метафорическими, а метонимическими. Тем не менее здесь едва ли правомерно полностью отрицать факты сравнения, о чём говорилось выше.

Анализ показывает, что функцию сравнения здесь выполняют лишь отдельные слова, которые, однако, необходимы для того, чтобы обеспечить целостность образного восприятия всего фрагмента.

Таким образом, наблюдения над семантикой и структурой используемых в современной поэзии сложных тропов позволяют утверждать, что раскрытие их сущности на основе концепции переноса наименования на новый предмет, сходный по каким-либо признакам с упомянутым в тексте, невозможно. Механизм семантической двуплановости подобных средств образности способна раскрыть концепция взаимодействия смысловых элементов, относящихся к разным ситуациям. Именно такой подход, основывающийся на знании типовой модели ситуации, позволяет восстанавливать «недостающие» звенья и тем самым реконструировать всю сеть смысловых связей, составляющих основу образа. С точки зрения ассоциативной теории, тропы рассматриваемого типа нельзя однозначно относить к метафоре или метонимии, поскольку они представляют собой интегрированные комплексы, где сочетается ассоциативность различного характера.

Литература

1. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
2. Гальперин, И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста / И.Р. Гальперин // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 267–269.
3. Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – Рефл-бук, Ваклер. – М., Киев, 2002. – 430 с.

Summary

The structure and semantics of complex tropes in the modern Russian poetry is investigated.

Поступила в редакцию 13.03.06.